

УДК 340.12

DOI 10.24411/2078-5356-2018-10340

Мазуров Игорь Игоревич
Igor I. Mazurov

адъюнкт кафедры теории государства и права

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, 12)

the listener chairs of the theory of state and law

Moscow university of the Ministry of the interior of Russia of the name V.Ya. Kikot (12 Akademika Volgina st., Moscow, Russian Federation, 117437)

E-mail: igor_mazurov@tut.by

**Методологические основания понимания концепта «правопритязание»
в современной теории права****Methodological grounds for understanding the concept of «legal claim»
in the modern theory of law**

В статье рассматриваются методологические основания и предпосылки авторского понимания концепта «правопритязание». Представлена специфика правопритязания, ее природа, элементы и характерные черты механизма правопритязания, связь с субъективным правом. Учитывая особенности правопритязания, его признаки, обосновывается актуальность использования категории «правовой актор» вместо категории «субъект права». Концепт «правовой актор» позволяет наиболее точно и полно раскрыть феномен правопритязания. Предпринята попытка авторской классификации правопритязаний по определенным основаниям.

Ключевые слова: правопритязание, притязание, аскриптивный язык, правообразование, субъективное право, правовой актор, признание правопритязания.

The article discusses the methodological grounds and prerequisites for the author's understanding of the concept of «legal claim». The specificity of Legal claim, its nature, elements and characteristics of the mechanism of Legal claim, the connection with subjective law are presented. Taking into account the peculiarities of the legal claim, its signs, the urgency of using the category of «legal actor» instead of the category «subject of law» is justified. The concept of «legal actor» allows the most accurate and complete disclosure of the phenomenon of legal claim. An attempt has been made to classify authorial legal claims on certain grounds.

Keywords: legal claim, claim, ascribing language, establishment of right, subjective right, legal actor, admission of legal claim.

Логичным следствием из того факта, что право – это объективный и закономерный продукт человеческого общежития, является вывод о том, что такие же объективные и закономерные деяния человека ведут к праву, приводя в действие механизм правообразования. В юридической науке такие деяния

эксплицируются как притязания или правопритязания. Вместе с тем для юридического дискурса характерна некоторая вариативность смыслов категории «правопритязание», причем степень различия такова, что под правопритязанием понимаются разные феномены правовой реальности.

© Мазуров И.И., 2018

Для правовой науки советского периода характерно использование категории «правопритязание» в узком смысле, которое стало классическим для современной юриспруденции. Хотя, к примеру, нетривиально (т. е. несколько шире) категорию «притязание» использует О.С. Иоффе, включая его в структуру субъективного права [1, с. 51]. Тем не менее самостоятельным объектом научной рефлексии такое «притязание» по-прежнему не являлось. Таким образом, традиционно под правопритязанием понимается относительное субъективное право (или правомочие) лица, реализуемое в охранительном правоотношении, на обращение в компетентный юрисдикционный орган для защиты нарушенного права. Традиция употребления категории «правопритязание» в таком узком смысле также имеет под собой некоторые исторические основания, представленные в основном работой Б. Виндшейда «Учебник Пандектного права» [2, с. 91–103].

Концепт «правопритязание» не является новеллой и уходит своими корнями в дореволюционную правовую науку. Так, категориями «притязание» и «правопритязание» (или «правовое притязание») свободно оперируют в своих работах И.А. Ильин [3, с. 190], Л.И. Петражицкий [4, с. 336–359], Г.Ф. Шершеневич [5, с. 600–618] и др. Однако, несмотря на отсутствие единства воззрений к данным категориям, следует констатировать тот факт, что в дореволюционной юридической науке правопритязание концептуализируется, как правило, в более широком значении – как предъявление своего права (обычно – субъективного) [6, с. 149–150], или иначе – как форму воздействия над поведением обязанного лица [7, с. 203]. Притом, природа и содержание самого феномена не раскрывается.

На сегодняшний момент, наряду с классическим пониманием «правопритязания», для научной юридической литературы характерна дескрипция проблемы в широком смысле [8, с. 479–483], как наиболее актуальная для понимания современных правовых и социокультурных процессов. Если говорить кратко, правопритязанием в общетеоретическом, широком смысле, является волевой, намеренный акт усилия, облеченный в соответствующую речевую форму, и направленный на право, через которое правовой актор реализует свои потребности и интересы, достигает поставленных целей.

Таким образом, первая методологическая предпосылка исследования заключается в таком обобщении, согласно которому смысловые

значения категории «правопритязания» определяются как специально-юридическое (инструментальное) и общетеоретическое (концептуальное). В этом случае перед нашим взором предстают разные по содержанию понятия.

Указанные понятия правопритязания не исключают друг друга, а соотносятся как часть и целое. Очевидно, что право на обращение в компетентный юрисдикционный орган для защиты нарушенного права (т. е. [право]притязание в специально-юридическом значении) представляет собой отдельный конкретный пример правопритязания в общетеоретическом смысле.

Несмотря на наличие комплексного учения о субъекте права (хотя, конечно, единая теория субъекта права отсутствует), вопрос о том, каким образом человек приобретает, добывает и отстаивает свое право, настаивает на нем, как правило, остается без ответа. В классической конструкции правоотношения смыслообразующим центром, исходным началом, является не человек, его правопритязания, а субъективное право одной стороны и юридическая (субъективная) обязанность другой.

Во всех юридических конструкциях человек представлен как институализированный субъект права, элемент системы правоотношения, являющийся носителем субъективных юридических прав и обязанностей, предписанных нормами позитивного права. Иными словами, субъект права – это отражение совокупности статутных (либо субъективных) прав и юридических обязанностей. В строгом смысле слова, как видим, такой «субъект» на деле оказывается «объектом» относительно норм позитивного права и правового регулирования. Разумеется, при таком положении нормативное состояние человека не совпадает по своему содержанию с его фактическим (реальным) состоянием.

Субъект права не правопритязает, а реализует субъективное право. При этом человек, возможно, притязает в психологическом контексте, однако в юридическом контексте – использует права и исполняет обязанности, реализуясь именно в структуре правоотношения (или через непосредственные способы реализации права) как схематичный субъект. В данной юридической конструкции правосознание и, в частности, волевой аспект действия, правовая культура личности практически не учитываются и лишь в последующем выстраиваются как приложение, дополнение к конструкции субъекта. И, прежде всего, в логической цепи «субъект – реализация

права – субъект» отсутствует действие-переход, оно только подразумевается, причем как внеправовое (или квазиправовое) по своей природе. Вот этот переход и есть самое важное – правопритязание.

Таким образом, в качестве методологической предпосылки мы используем одну из ключевых идей – углубление, расширение понимания человека в праве: от абстрактного субъекта права – «к человеку в праве» [9, с. 96–151], как отмечает В.И. Павлов. Это не означает отказа от концепции «субъект права», но предполагает его развитие. Так, вместо категории «субъект права» мы используем концепт «правовой актор». В отличие от субъекта права, который внешне определяем нормой, правовой актор выступает значимым, существенным для права и правовой жизни посредством своего правопритязания. Особенно если размышлять о правопритязании актора в контексте правосознания, то мы обнаружим, что правопритязание – это один из способов обнаружения идеального источника права, способов объективации правосознания.

Правопритязания и акты признания, в своей сущности, составляют основу реального поведения участников правоотношений. Правопритязание есть притязание не на конкретные материальные или нематериальные блага, а притязание на собственное право этими благами обладать. В некотором смысле правопритязание есть притязание на нечто, но опосредованно. Например, правовой актор притязает не просто на определенного рода имущество, он притязает на право на это имущество.

Только будучи первично формализовано в языке, то есть высказано, правопритязание может стать таковым. Иначе говоря, заявление (формализация) правопритязания является одним из условий актуализации правового актора в существующем юридическом дискурсе. Поэтому правопритязание содержит специальную вербальную формулировку – описание данного права, так как право само по себе есть абстракция и без словесной формулировки оно не может иметь места, не может быть осознано, понято, и, наконец, признано как право. Таким образом, солидаризируясь с утверждением Г.Л.А. Харта [10, с. 27], мы отмечаем, что формой правопритязания является аскриптивный язык. Если редуцировать речевую форму правопритязания, мы получим выражение – «Это мое», обремененное в специфическую правовую форму.

В юридической практике широко распространены примерами экспликации правопритязания вовне (как в гражданском, трудовом, гражданско-процессуальном праве, так и в административном и уголовном праве) являются: оферта и акцепт, иск, ходатайство, заявление, жалоба, обращение и др.

Размышляя о природе правопритязания, первым делом следует уточнить значение неюридической категории «природа». При уяснении ее смысла возможны несколько вариантов: а) отождествление категорий «природа» и «содержание», б) понимание «природы» как среды явления, его окружения и соответствующих ей связей, в) разграничение категорий «природа» и «содержание» и экспликация «природы» как начальной сущности, предопределяющей ядро явления, источник и основание его возникновения.

В первую очередь, мы рассуждаем о природе явления как об основе и ведущем начале, определяющем сущность этого явления, сущность правопритязания, избегая отождествления категорий «природа» и «содержание» (а).

Правопритязание непосредственно не следует из объективной правовой и социально-культурной среды, а является результатом, следствием интеллектуально-психической деятельности человека. В своей совокупности объективная реальность лишь задает ту среду, в которой пребывает правовой актор, воздействует на него, выполняя функцию социализации. Такая среда становится ключевым объектом нашего анализа во втором варианте (б) смысла категории «природа». Конечно же, сознание, как и правосознание, испытывает влияние среды, но не всецело определено ею. Правопритязание не есть непосредственное явление (явление само в себе), оно – производное разума человека, его воли. Человек мыслится как основание и источник, условие правопритязания. Именно поэтому при конкретизации природы правопритязания в первую очередь мы приходим к выводу о том, что такой природой является правосознание.

Следует отметить, что поскольку изменение контекста «природы» возможно путем дополнения, уточнения данной категории, постольку мы можем говорить о социальной, юридической и психической природе правопритязания. Вместе с тем при таком контексте мы уходим от понимания «природы» как первосущности.

Очевидно, что правопритязание выходит за рамки импульсивного поведения, оно рефлексивно по своей сущности. Источником

правопритязания является не импульс актуальной потребности, а, возможно, нечто иное. Однако благодаря чему окончательное решение остается за актором права? Что лежит в основе принимаемого решения к действию (притязанию)?

Как пишет И.А. Ильин, «волевое состояние души, активное и творческое... ищет в жизни свободного, верного и справедливого права и заставляет человека вести борьбу за его обретение и осуществление» [3, с. 65]. Отвечая на поставленные вопросы и, одновременно, развивая утверждение русского мыслителя, мы говорим, что таким видом активности является воля. Волевое начало – это неотъемлемое качество правопритязания, оно имманентно ему как сознательному деянию, продуманному и преднамеренному.

Характеристикой воли является усилие, поскольку воля всегда направлена на преодоление некоторого рода затруднений, препятствий как внешнего, так и внутреннего характера. Усилие отражает действительные или мнимые актуальность, необходимость и важность правопритязания. Однако сводить феномен воли к усилию ошибочно. Воля консолидирует в себе также элементы осознанности, целеполагания, намерения. При помощи воли человек опосредует усилие, контролирует его.

Следующая субъективная характеристика правопритязания, имеющая непосредственную связь с волей, – это намеренность. Допуская упрощение, мы говорим, что предъявленное намерение правового актора, обозначающего свое право, выражено в аскриптивном языке правопритязания. Анализ текста кодифицированных нормативных правовых актов (в частности, Гражданского и Уголовного кодексов, Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь) в части оснований и условий юридической ответственности приводит к выводу, что умысел и неосторожность являются отражением (экстраполяцией) понятия намеренности.

Воля непосредственно связана с мотивами, интересами и потребностями правового актора, так как при ее посредстве они могут быть обращены к реальности. Способ такого обращения – правопритязание.

Феномен интереса акторов разного уровня – от единичного в лице одного человека до общего в лице государства – актуален для законодателя. Потому как выявление интересов, их ранжирование, предварительное согласование, разработка

системы сдержек и противовесов, прогнозирование развития – неотъемлемые условия правотворческого процесса. Интересы – это один из тех параметров, который устанавливается в результате социологического исследования и на основании которого законодатель может прогнозировать вероятные правопритязания.

Для реализации правопритязания единственный фактор рациональности (целесообразности) не обладает полноценной побудительной силой. Поэтому для его реализации требуется наличие такого фактора, как мотив, являющегося наиболее динамичным элементом механизма правопритязания. Побудительность и, следственно, побуждение к действиям, притязаниям – это сущность мотива, подчеркнутая Л.И. Петражицким [4, с. 21–38].

В современной юриспруденции значительное внимание уделяется мотивам правонарушителя. Если для правопритязаний и правомерного поведения мотив правового актора не имеет юридического значения, то при совершении им правонарушения мотив, являющийся факультативным признаком субъективной стороны, во-первых, позволяет квалифицировать правонарушение (если мотив напрямую предусмотрен диспозицией нормы), во-вторых, учитывается судом при назначении наказания. При этом следует иметь в виду, что мотивы правового актора в большинстве случаев индифферентны для закона, всегда присущи правопритязанию.

Резюмируя вышесказанное, мы говорим, что правопритязание является волевым, мотивированным и намеренным (сознательным) актом усилия, направленным на реализацию потребностей и интересов правового актора, консолидированных в конкретных целях. Правопритязание невозможно свести исключительно к усилию, воле, интересу, потребности, цели и прочему, однако при определенных условиях акцентом правопритязания может быть та или иная характеристика.

Правопритязание всегда сопряжено с правопритязаниями других акторов, оно имеет смысл только в отношении с «другим». Следовательно, интенция правопритязания включает не только самого актора права как единственный предмет, но и других акторов, их правопритязания.

Правопритязание, несомненно, реализуется в социуме через развивающиеся общественные отношения и, более того, их невозможно актуализировать иначе. Собственно правопритязание «является усилием и желанием, направленными на другого» [11, с. 246], и возможно только

«пребывая в отношении с другим» [11, с. 246], как верно отмечает В.П. Малахов. Через признание правопритязания другим правовым актором возможна его объективация, вступление в правовую реальность. Классический пример – притязание на право собственности в отношении недвижимого имущества (или движимого имущества определенного вида), где присутствует, во-первых, правовой актор, к которому обращено правопритязание (контрагент), и, во-вторых, специальный субъект признания – уполномоченный на то государственный орган. Более того, при детальном анализе примера мы заметим, что контрагент, обращаясь к правовым акторам (адресатам) с предложением о продаже недвижимого имущества, также правопритязает в форме оферты на прибыль от планируемой сделки. В подобном случае ключевым субъектом признания, несомненно, является властный орган государства, однако типично, когда наряду с ним правопритязание признает и контрагент, заключая сделку. В последующем не исключено, что контрагент может, например, установив основания для признания данной сделки недействительной, притязать на защиту ранее отчужденного права собственности на недвижимость, обратившись в суд с виндикационным иском. В таком случае наш контрагент, к которому ранее было обращено правопритязание, сам правопритязает, а прежнее признание сменяется отрицанием.

Правопритязание обращено к конкретным субъективным правам и юридическим (субъективным) обязанностям. Через правопритязание правовой актор выстраивает свою правовую жизнь, обнаруживает себя в ней, приобретает значимость, а нормативно-правовой массив трансформируется в субъективное право.

В том случае, если результатом правопритязания становится приобретение правовым актором нового субъективного права, его актуализация, мы говорим о правообразующих правопритязаниях (например, создание юридического лица). Если же правопритязание направлено на реализацию уже имеющегося субъективного права, то в таком случае мы ведем речь о правореализующих правопритязаниях (например, осуществление функций юридического лица в рамках своих уставных целей и законодательства).

Таким образом, мы обозначили те методологические основания, которые раскрывают современное понимание концепта «правопритязание». Обобщая, следует отметить, что для

предложенной концепции правопритязания характерна многокомпонентная методология. При этом значительную роль в исследовании природы и содержания правопритязания играют антропологический и социологический подходы. Понимание правопритязания в обозначенном широком смысле, где оно выступает не только как правореализующее, но и как правообразующее, способствует гуманизации юридической теории, задает импульс для развития теории права человека. Рассматривая человека как подлинного творца права, исходного правового основания, обладающего правовой самоценностью, мы можем лучше понять его роль в современной правовой системе.

Примечания

1. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1. 310 с.
2. Виндшейд Б. Учебник Пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. с нем.; под ред. С.В. Пахмана. СПб.: Изд-во Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. 358 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
4. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.
6. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1917. 534 с.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
8. Смирнова М.Г. Социальные притязания как технико-юридическое средство правообразования // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 479–483.
9. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. 262 с.
10. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
11. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 431 с.

Notes

1. Ioffe O.S. Selected works: in 4 vol. St. Petersburg: Yuridicheskiiy Tsentr Press Publ., 2003. Vol. 1. 310 p. (In Russ.)

2. Windsheid B. Textbook Pandectae law. Vol. 1: General part / transl. from the German; under the editorship of S.V. Pahman. St. Petersburg: Publishing house Gieroglifov and I. Nikiforov, 1874. 358 p. (In Russ.)
3. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness / preparation of text and introductory article by I.N. Smirnov, Moscow: «Rarog» Publ., 1993. 235 p. (In Russ.)
4. Petrazhitsky L.I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. St. Petersburg: Publishing house «Lan», 2000. 608 p. (In Russ.)
5. Shershenevich G.F. General theory of law. Moscow: Edition of Br. Bashmakovs, 1910. 805 p. (In Russ.)
6. Taranovsky F.V. Textbook of the encyclopedia of law. Yuryev: printing house of K. Mattisen, 1917. 534 p. (In Russ.)
7. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law / comp., author of the introduction. article, comment. A.N. Medushevsky. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 520 p. (In Russ.)
8. Smirnova M.G. Social claims as a technical and legal means of legal education. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2012, no. 6, pp. 479–483. (In Russ.)
9. Pavlov V.I. Problems of the theory of state and law: a textbook. Minsk: Academy Ministry of internal affairs Publ., 2017. 262 p. (In Russ.)
10. Hart H.L.A. Philosophy and language of law. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2017. 384 p. (In Russ.)
11. Malakhov V.P., Eriashvili N.D. Methodological and world outlook problems of legal modern theory: monograph. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i parvo Publ., 2011. 431 p. (In Russ.)